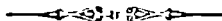

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

Ф И Л И П П А

И РА П С К А Г О Ч У Д О Т В О Р Ц А .

г. череповець.

Типографія Е. О. Кадобиной № 457.

1893.

никогда не видала его играющимъ съ своими сверстниками, и даже позволяющимъ себѣ какія-либо дѣтскія шутки. Сказали о томъ преподобному Корнилію и онъ велѣлъ привести къ себѣ отрока; увидѣлъ и возрадовался духомъ и съ тихостью спросилъ: откуда опъ и кто его родители?

Блаженныи не могъ, сквозь слезы, ничего отвѣчать преподобному и, преклонившись до земли, съ трудомъ наконецъ проговорилъ: «прости меня, Господа ради, честный отче, имя мнѣ Теофилъ, а родителей моихъ не помню, оставшись малолѣтнимъ и спрямъ послѣ нихъ; слышалъ же, что были они благочестивые Христіане и, въ мирѣ живши, преста вилсь. Сиротою скитаюсь я, питаемый Бога ради; не знаю самъ, какъ дошелъ до сего мѣста и здѣсь живу у господина моего; помилуй меня, Господа ради, честный отче, не оставь погибнуть во грѣхахъ моихъ, но повели, сколько могу, потрудиться у твоей святыни на этомъ святомъ мѣстѣ.» Преподобный, какъ чадолюбивый отецъ, видя его смиреніе и кротость, прозорливо о немъ сказалъ: «вижу, братія, что въ немъ готовится сосудъ, избранный Господу моему,» и велѣлъ принять его въ монастырь подъ надзоръ пнока, блюстителя ризницы; двѣнадцати лѣтъ былъ тогда отрокъ Теофилъ и съ ревностью поступилъ на сіе послушаніе.

Братія возвестили преподобному Корнилію труды и смиреніе юнаго подвижника, и святой старецъ призвавъ его къ себѣ, ободрилъ ласковымъ словомъ: «внемли мнѣ, о Господѣ, драгой мнѣ по сердцу Теофилъ, и отъ руки Божіей прими вѣнецъ доброты, благое иго иноческаго житія.» Какъ земля, жаждущая утренней росы, отрокъ радостно воскликнулъ: «ей, отче, буди мнѣ по глаголу твоему!» и съ умиленіемъ внималъ

поученіямъ святаго старца, о совершенномъ отреченіи отъ мира, для неуклоннаго послѣдованія за Христомъ. Всѣ духовныя совѣты, утолявшіе его душевную жажду, слагалъ онъ въ сосудъ своего сердца и молилъ Господа направить его на путь истинны и исполнить своей любви, которая, какъ златой сосудъ, никогда не можетъ разбиться. Самъ преподобный Корнилій возложилъ на него ангельскій образъ и нарекъ имя Филиппа пятнадцатилѣтнему, который даже не могъ еще назваться юношею, по уже былъ старцомъ по духу. Корнилій поручилъ его опытному иноку Флавіану, искусному въ божественномъ писаніи, и тотъ научилъ его чтенію, пѣнію, и всему, что было полезно душѣ его.

Заботливый игумень велѣлъ упражняться ему во всѣхъ монастырскихъ службахъ, чтобы приучался ко всякой работѣ, и юный Филиппъ со смиреніемъ трудился, то въ хлѣбнѣ, то въ пекарнѣ,нося воду и дрова, днемъ служа братіи, а ночью стоялъ на молитвѣ и предварялъ другихъ къ церковной службѣ: такъ трудился многіе годы. Вся братія, ради чрезвычайнаго его подвига, начала просить своего игумена, чтобы Филиппъ былъ поставленъ пресвитеромъ и общее желаніе исполнилось: смиренный служитель челоуѣковъ сдѣлался служителемъ Божиимъ у священныхъ алтарей и братія начала прославлять его. Оскорбился блаженный, говоря самъ себѣ: «горе тебѣ, Филиппъ, ты уже принялъ похвалу отъ лица челоуѣковъ, какое же возмездіе получишь въ день судный отъ Господа своего!» Онъ пожелалъ безмолвія пустыни и старецъ Корнилій одобрилъ его помысль.

Пятнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ подвизался въ обители Корниліевой; онъ началъ прилежно просить

Матерь Божию, чтобы призвала его въ пустыню отъ подлежащей скорби, и однажды ночью, во время иѣвня канона Одигитринъ, услышалъ таинственный голосъ: «иди отсель, возлюбленный рабъ мой, на уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ можешь спастися.» Преподобный Филиппъ посмотрѣлъ въ окно своей кельи и увидѣлъ къ южной сторонѣ яркій свѣтъ, какъ бы утренней зари. Ужаснулся крѣпкой молитвенникъ и, положившись во всемъ на волю Божию, еще болѣе утвердился въ своемъ помыслѣ, избирая только удобное время для оставленія обители.

Въ другой разъ услышалъ онъ тотъ же небесный голосъ, уже молясь въ храмѣ во глубинѣ ночи, и немедленно оставилъ обитель, ничего не взявъ съ собою, кромѣ той рясы, въ которой былъ. Мимо Вологды прошелъ онъ сперва въ монастырь Спасокаменный, что на Кубенскомъ озерѣ, и тамъ нѣсколько отдохнулъ у инока, по имени Германа; потомъ обходилъ многія веси и пустыни, ища себѣ мѣста унокоенія, гдѣ бы безмолвовать на единѣ; такъ достигъ предѣловъ Бѣлозерскихъ. Тамъ, на берегу рѣки Андоги, въ волости сего имени, нашелъ уединенный боръ и возлюбилъ мѣсто будущаго своего унокоенія. Когда, подъ развѣсистую сосною, опочилъ онъ отъ трудовъ, въ сонномъ видѣнн явился ему Ангель и сказалъ: «здѣсь приготовилъ тебѣ мѣсто Господь.»

Проснувшись отъ таинственнаго сна, блаженный Филиппъ помолился Пресвятой Троицѣ и пошелъ къ обладателю той волости, Князю Андрею Шелешпанскому, просить у него мѣста около уединенной сосны. Благочестивый Князь самъ последовалъ за отшельникомъ и посохомъ своимъ очертилъ ему участокъ, отъ рѣки Андоги къ малому ручью Ирану; прено-

добный ископалъ ровъ по чертѣ и устроилъ себѣ на крутомъ берегу малый вертепъ, гдѣ началъ жить, молясь непрестанно святой Троицѣ.

Князь Андрей, возвратясь въ село свое, рассказалъ брату своему Князю Іоанну и поселянамъ: какой святой мужъ, сана пресвитерскаго, у нихъ селится и отъ радости сдѣлалъ пиръ для священниковъ и крестьянъ; всѣ радовались, вмѣстѣ съ своимъ Княземъ, воздавая хвалу Богу. Одинъ только братъ его, Князь Іоаннъ, подвигся гнѣвомъ на отшельника Филиппа и сказалъ единокровному: «ты пустилъ его а у меня онъ, не спрашивался; ѣду изгнать его и не позволю ему тутъ жить.» Напрасно благочестивый Андрей удерживалъ брата, чтобы не дѣлалъ зла святому мужу и въ томъ же убѣждали его священники и народъ; еще болѣе раздражился Князь, немедленно сѣлъ на коня и погналъ его въ пустыню. У малаго Ирана внезапно сталъ его конь и не пошелъ за ручей; Князь ударилъ его бичемъ, а конь, разъярившись на всадника, закусилъ удила и понесъ его обратно въ село къ церкви Святителя Николая; тамъ поразилъ его о камень и на мѣстѣ умеръ Князь, а конь, пробѣжавъ еще двѣ версты, запутался въ чащѣ лѣса между деревъ и удавился. Съ плачемъ погребъ Князь Андрей тѣло непослушнаго брата и поѣхалъ въ пустыню возвѣстити о томъ преподобному: прослезился Филиппъ.

Князь Андрей предложилъ ему денегъ для помпновенія брата, но ихъ не принялъ отшельникъ. «Если хочешь оказать мнѣ свою мплость, сказалъ онъ Князю, то пожалуй мнѣ уча-

стокъ земли по пространствѣ, на поминъ твоего брата. » Умилился Князь и далъ ему всю землю мѣжду ручьями, большимъ и малымъ Ирапомъ, укрѣпивъ ее за нимъ грамотою, и строго запретилъ поселянамъ въ чемъ либо оскорблять человека Божія, ибо имѣлъ къ нему великую вѣру и любовь и подавалъ ему все пужное.

Съ тѣхъ поръ началъ спокойно жить въ своей пустынѣ преподобный и поставилъ сперва молитвенный домъ или часовню, во имя живоначальныхъ Троицы, гдѣ, днемъ и ночью, приносилъ пѣніе и молитвы Богу; потомъ, вышедши изъ вертепа, поставилъ себѣ келлію, и къ нему начали приходить отъ многихъ страсть блгочестивые люди, ради молитвъ и благословенія. Блаженный, поучая ихъ о пользѣ душевной, совѣщался съ ними, какъ бы устроить церковь во имя живоначальныхъ Троицы. По сердцу былъ совѣтъ сей блгочестивымъ людямъ; они начали, съ большимъ усердіемъ готовить лѣсъ для построенія церкви и, молитвами преподобнаго, скоро она соорудилась; Князь снабдилъ ее пужною утварью и священными книгами. Тогда преподобный испросилъ, у мѣстнаго Епископа, разрѣшенія освятить новый храмъ, и такимъ образомъ устроилось въ немъ ежедневное богослуженіе. Пустыня сія нареклася Краснорскою и Филиппо-Иранскою, отъ соединеннаго имени отшельника и урочища; повсюду пропесалась молва о жителствѣ преподобнаго въ сей пустынѣ, и многие Христолюбцы начали туда стекаться для молитвы и поученій, принося съ собою все пужное для храма Божія.

Тамъ усердно молился святой отшельникъ и приносилъ безкровную жертву въ Троицѣ славимому Богу, призывая Матерь Божию и всѣхъ Святыхъ на помощь благвѣрнымъ Госу-

дарямъ и Христолюбивому воинству противъ супостатовъ, и о чадахъ своихъ духовныхъ и о всемъ мірѣ, денно и ношно возсылалъ молитвы. При непрестанномъ подвигѣ, не оскудѣвали кротость его и смиреніе; никто не видалъ его въ мірскихъ домахъ ищущимъ себѣ упокоенія, но съ Ангелами лиговалъ онъ въ пустынѣ и пищею его былъ сухой хлѣбъ и вода отъ его потока.

Многія искушенія посѣщали его въ безлюдной пустынѣ; однажды ночью, услышалъ онъ гласъ трубный и страшный шумъ, какъ бы отъ многихъ полчищъ. Смутился преподобный, помышляя самъ въ себѣ: откуда могутъ быть сіи звуки, когда нѣтъ здѣсь брани? и близко отъ себя услышалъ голосъ: «есть здѣсь брапь тебя ради; если не хочешь имѣть ее, иди и спи, и мы не будемъ устрашать тебя.» Но святой оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, исаломски воззвавъ: «да воскреснетъ Богъ, и расточатся враги его!» (Исал. LXXII, 2) и въ мигъ исчезла вся сила вражія. Такое искушеніе еще болѣе подвигло на постъ и молитву жителя пустыни и уже не возобновлялись страшныя видѣнія, но злые люди, научаемые врагомъ, начали дѣлать ему различныя козни, чтобы удалить отъ уединеннаго мѣста, указаннаго ему самимъ Богомъ. Противъ нихъ укрѣпился онъ благодатию Духа Святаго, взывая къ нимъ: «отступите отъ меня всѣ творяще беззаконія.» Помолвившись о ихъ прегрѣшеніяхъ, чтобы Господь не вмѣнилъ имъ злобу ихъ, одипокій утвердился онъ въ пустынѣ, предстои во храмѣ Святой Троицы, и люди, видѣвшіе его кротость, оставили его на мѣстѣ подвига. Когда же однажды, отъ новыхъ мечтаній демонскихъ, пришла ему мысль оттуда удалиться, укрѣпилъ его таинственный гласъ: «что

ничто не можетъ противиться силѣ крестной и что такія мечтанія доступны тогда только, когда перестаетъ бодрствовать умъ и помышлять о царствѣ небесномъ и безконечныхъ мукахъ.»

Отшельникъ сподобился въ своей пустынѣ созерцаціи божественныхъ. Пришелъ однажды поселянинъ, по имени Мелетій, прѣбывшій къ нему большую вѣру и, послѣ долгой духовной бесѣды, остался у него провести ночь. Въ глубокой вечерѣ спалъ Мелетій, преподобный же бодрствовалъ, исполняя обычное правило; въ полночь проснулся пришелецъ и звалъ къ себѣ старца, но не обрѣлъ его въ келліи; онъ увидѣлъ его изъ окна стоящимъ у церкви, лицомъ къ востоку, съ воздѣтыми къ небу руками, и руки его свѣтились, какъ свѣчи горящія огнемъ. Многимъ людямъ повѣдалъ поселянинъ чудное свое видѣніе и тѣмъ умножилась любовь народная къ преподобному*).

Пятнадцать лѣтъ провелъ такимъ образомъ въ пустылѣ святой Филиппъ и до такой степени изнурилъ себя постомъ, что уже почти не могъ вкушать хлѣба, ни выходить въ церковь, скорбя тѣломъ по болѣзнуя только о душѣ своей и не пзмѣняя своего правила, въ ожиданіи блаженнаго упокоенія. Пришелъ тогда въ пустыню къ блаженному инокъ, просить у него благословенія, и на вопросъ: кто онъ и отколѣ? назвался Гермапомъ изъ Спасокаменнаго монастыря. Это вѣроятно былъ тотъ самый, у котораго за многіе годы предъ тѣмъ отдыхалъ преподобный, на пути въ Бѣлозерскъ. Германъ просилъ дозволенія остаться съ нимъ въ пустылѣ и сперва не соглашался отшельникъ, представляя всю труд-

(* Сямъ оканчивается чтеніе на кафизмахъ.

ность такого подвига, но убѣжденный мольбами инока, который полагалъ въ терніи начало спасенія, наконецъ согласился вмѣстѣ съ нимъ пребывать и приносить молитвы Богу.

Германъ, какъ послушный сынъ, во всемъ повинаясь своему отцу, между духовныхъ бесѣдъ, расширявалъ преподобнаго о его рожденіи и началѣ иночества и какъ вселился въ сію пустыню? и по мѣрѣ того какъ рассказывалъ ему о себѣ отшельникъ, тайно записывалъ чудныя его дѣянія, дабы не было предано забвенію житіе столь святаго мужа.

Не много времени спустя, сказалъ ученику своему блаженный учитель: «отче Германъ, прошу твою любовь: когда увидишь меня мертвымъ, не оставь тѣла моего валяться на землѣ, но погреби его на мѣстѣ моего покоя, ибо ты видишь, что я уже дряхлъ и изнемогаю; сегодня я съ тобою, а завтра увидишь меня умершимъ. Не напрасно послалъ тебя Богъ посѣтить меня въ уединеніи.» Потомъ, причастившись святыхъ таинъ, началъ молиться Господу и пречистой его Матери, чтобы заступила душу его въ часъ смертный, и воспомянулъ въ молитвахъ своихъ все православное Христіанство, чтобы всѣмъ даровано было прощенье грѣховъ, здравіе и спасеніе.

Окончивъ молитву, со слезами сказалъ онъ ученику своему: «братъ Германъ, насталъ для меня часъ смертный и время отшествія души моей къ Господу; ты же предай тѣло мое грѣшное землѣ, какъ я тебѣ заповѣдалъ.» Уже былъ глубокий вечеръ, преподобный изнемая тѣломъ, лежалъ на одрѣ, шопотомъ произнося молитвы. Германъ совершалъ обычное правило и едва окончилъ, какъ услышалъ голосъ: «встань

и смотри!» Воспрянулъ инокъ и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы не впасть въ искушенію; чудное благоуханіе пролилось по келліи. Германъ нанесли старца своего уже усопшмъ, съ лицомъ свѣтлымъ и ярко сияющимъ, какъ бы Ангела Божія; жалость проникла въ сердце ученика, объ утратѣ любимаго учителя, и горько надъ нимъ онъ плакалъ, вспоминая все благодатное его учене и любовь; но облеченный въ санъ священства, недоумѣвалъ онъ какъ погребсти его? и на расвѣтѣ вышелъ изъ келліи, что бы помолиться въ церкви живоначальныя Троицы. Осмотрѣвшись, опъ увидѣлъ старца, идущаго изъ селенія также къ церкви, и обрадовался лицу человѣческому въ пустынѣ.

«Скажи мнѣ, Господа ради, какъ твое имя и откуда идешь?» спросилъ его Германъ и тотъ отвѣчалъ: «имя мнѣ Іовъ; я изъ обители Александровой, что на Свирѣ, и сана священническаго.» Еще болѣе обрадовался Германъ и, принявъ отъ него благословеніе, такъ говорилъ: «отче святыи, сотвори любовь; въ ночь сію, Божиимъ изволеніемъ, преставился отецъ мой Филиппъ; молю твою святыню погребѣ тѣло преподобнаго.» Вмѣстѣ вошли они въ келлію и подивились свѣтлости лица усопшаго, прославленнаго Богомъ. Въ то же время собрались изъ веси благочестивые люди, какъ бы по впушенію Божию, для погребенія святаго старца; они устроили гробъ и перенесли честное тѣло Филиппа въ церковь Пресвятыя Троицы, гдѣ совершилось отиѣваніе; его погребли на берегу рѣки тамъ, гдѣ самъ указалъ для себя мѣсто и, возвратясь въ келлію, оба инока по пустыщному вкусили хлѣба, поминая блаженнаго отца Филиппа. Священноинокъ Іовъ распрашивалъ Германа о жити преподобнаго, и Германъ повѣ-

далъ ему то что слышалъ изъ устъ самого старца. Ювъ благодарилъ Господа, сподобившаго его погребсти столь святаго мужа; слышавъ о пустынномъ его житіи, онъ пожелалъ видѣться съ нимъ и это привело его въ пустыню Филиппову. Пробывъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ Германомъ, Ювъ удаллся въ Свирскую свою обитель; Германъ же оставался еще на сорокъ дней въ уединенной келліи, чтобы читать псалтырь по усоншемъ отцѣ своемъ, и потомъ возвратился въ монастырь Спасокаменный, что на Кубенскомъ озерѣ; но память блаженнаго Филиппа осталась неизгладимою въ сердцахъ смиренныхъ поселянъ, воспоминавшихъ благіе его подвиги и спасительныя поученія. Сорока пяти лѣтъ отъ рожденія преставился преподобный, 14-го Ноября 1527 года, на память ангела своего Апостола Филиппа.

Вскорѣ послѣ его кончины, устроилась обитель ипчешская на мѣстѣ его подвига, и тамъ, въ соборной церкви Пресвятыя Троицы, доселѣ почиваютъ подъ спудомъ честныя его мощи, отъ которыхъ не престають истекать исцѣленія.

Первое описаніе житія его и чудесъ, составленное Германомъ, сгорѣло во время пашествія Литовскаго; второе же было написано, по свѣжей еще памяти уцѣлѣвшихъ преданій, повелѣніемъ благочестиваго Царя Алексѣя Михайловича.

Надъ ракою написанъ священный ликъ преподобнаго, по его явленію старцу Θεодосію въ той же пустынѣ. Долгое время болѣлъ погою инокъ сей и не могъ выходить изъ келліи, ибо тяжкая была его болѣзнь; онъ началъ молить о исцѣленіи Пресвятую Троицу, призывая на помощь и блаженнаго отца Филиппа. Въ самый день Покрова Богородицы явился ему во снѣ преподобный и велѣлъ написать свою икону, чтобы по-

ложить ее на ракъ; объщая ему благодать Божию, онъ осѣнилъ болящаго крестнымъ знаменіемъ и скрылся отъ взоровъ. Восприянувъ отъ сна, старецъ Θεодосій перекрестился и, не чувствуя ни какой болѣзни, ступилъ на погу и самъ пришелъ въ церковь, къ общему изумленію. Исполняя завѣтъ преподобнаго, онъ велѣлъ иконописцу написать его икону съ древняго образа, присланнаго изъ Москвы отъ Княгини Кривоборской.

Тотъ же старецъ Θεодосій, страдавшій въ другое время внутреннею болѣзнію, отъ которой не могъ исцѣлиться помощью врачей, въ тонкомъ снѣ, на праздникъ первовѣрховныхъ Апостоловъ, увидѣлъ преподобнаго, который причастилъ его святыхъ Христовыхъ таинъ и объщалъ здравіе, повелѣвая продолжать трудиться въ пустынь. Онъ имѣлъ и еще одно утѣшительное явленіе преподобнаго отца своего Филиппа, который повелѣлъ ему, ради совершеннаго исцѣленія, соорудить храмъ во имя Пресвятыя Богородицы, на праздникъ честной ея иконы Казанской, и съ радостію исполнилъ Θεодосій завѣтъ святаго старца. Нѣсколько другихъ исцѣленій записаны въ обители, которые всѣ свидѣтельствовали о святости угодника Божія Филиппа, прославленнаго отъ Господа.

КОНЕЦЪ.